

ТАЙНЫЯ ЗЛОДѢЯНІЯ И ЯВНЫЯ ЛЖИ И ОБМАНЫ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ КНИГЪ, ВНОВЬ ВЫШЕДШИХЪ,

И ИЗДАННЫЯ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

МОСКВА,
Въ Типографіи С. Селивановскаго,
1816.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Марта 17 дня, 1816 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ и Кавалеръ *Иванъ Двигубскій*.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ

МАТВѢЮ ИВАНОВИЧУ

ПЛАТОВУ

Усердное приношеніе.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Благодарность и почтеніе посвящаютЪ Вашему Сіятельству *изображеніе Наполеоновыхъ злодѣяній*, вЪ истребленіи которыхЪ столь славно участвовало знаменитое Донское войско, Вами предводимое. Паденіе злодѣйства, есть торжество вѣры и добродѣтели Примите сію усердную жертву сЪ тою великодушною благосклонностію, которою нѣсколько лѣтЪ имѣю щастіе пользоваться.

Сергѣй Глинка.

ОБЪЯСНЕНІЕ ИНОСКАЗАТЕЛЬНОЙ КАРТИНКИ.

1809 Года, при выставленіи картинъ въ *Музеумѣ*, помѣщено было иносказательное изображеніе *злодѣянія*, преслѣдуемаго богинею Правосудія или *Ѳемидою*. Картина сія, замѣченная Наполеономъ, перенесена была въ Уголовную Палату. Думалъ ли тогда Наполеонъ, что низринувшись съ высоты престола, поруганнаго его злодѣяніями, и онъ будетъ гонимъ правосудіемъ и сосланъ на отдаленный морской утесъ, куда отплыветъ сопутствуемый проклятіями народовъ, и гдѣ будетъ жить съ одними угрызеніями своей совѣсти. *Нѣтъ! нѣтъ нигдѣ спокойствія для злодѣевъ!*

Подражая той картинѣ, вмѣсто иносказательнаго злодѣянія, здѣсь представленъ бѣгущій Наполеонъ, озаряемый въ бѣгствѣ своемъ ужасными свѣщами богинь Мщенія и Правосудія. Ногами, обагренными кровію, попираетъ онъ жертвы, имъ умерщвленныя. По одну сторону представлена стенящая *Гишпанія*, прижимающая горестную длань къ сердцу въ изъявленіе скорби, нанесенной ей въ лицѣ любимыхъ ея Государей. На правой сторонѣ изображена *пылающая Москва*.... На морскомъ берегѣ распростерты тѣла *Пишегрю* и Англинскаго Капитана *Вригта*.... Вдали у стѣнѣ темницы, гдѣ пролилась чистѣйшая кровь *Бурбоновъ*, лежитъ Принцъ *Ангіенскій*. Мужественно представляетъ онъ грудь своимъ палачамъ.... Повсюду и на

каждомъ шагѣ встрѣчая памятники своихъ злодѣяній, Наполеонъ стремится къ кораблю. Онъ страшится смерти; онъ хочетъ жить; онъ мечтаетъ, что пространствомъ морей отдалится отъ памятниковъ неистоваго своего властолюбія; но тщетно! воспоминанія о своихъ злодѣяніяхъ понесетъ онъ и на край вселенной: онѣ въ его въ сердцѣ!

ТАЙНЫЯ ЗЛОДѢЯНІЯ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА.

Наполеонъ въ Бріенскомъ училищѣ.

Злодѣянія *Наполеона Бонапарта* начались почти съ первыми лѣтами его жизни. Воспитываясь въ Бріенскомъ училищѣ, куда помѣщенъ онъ былъ предстательствомъ *Маркиза Марбефа*, Наполеонъ влюбился въ одну дѣвушку. За страсть свою къ молодому извергу, невинная жертва была имъ отравлена. Такъ началъ свое поприще тотъ, который къ поддерживанію хищническаго своего владычества дѣйствовалъ ядомъ, разстрѣ-

ливаніемЪ и пагубою народовЪ. ОдинЪ изЪ товарищей на него донесЪ. КЪ нещастію Франціи и человѣчества, стараніе *Маркиза Марбефа* и недостатокЪ утвердительныхЪ свидѣтельствЪ, спасли Наполеона отЪ казни.

Осада города Тулона.

По взятіи *Тулона*, НаполеонЪ записался вЪ шайку палачей Франціи, называемыхЪ *страшилищами*. Извѣстно, что ТулонЪ находился нѣкоторое время вЪ рукахЪ АнгличанЪ. Упиваясь тамЪ кровію нещастныхЪ жертвЪ, НаполеонЪ вошелЪ однажды вЪ церковь, вбѣжалЪ на амвонЪ и произнесЪ безбожную рѣчь скопищу вооруженныхЪ *республиканцевЪ*.

ПриведемЪ письмо его кЪ членамЪ *конвента* по случаю взятія Тулона.

Граждане, повѣренные народа!

,,Сѣ поля славы, ступая по крови измѣнниковѣ, сѣ восторгомѣ возвѣщаю вамѣ, что предписанія ваши исполнены, и что Франція отомщена. Ни старость, ни юность, ни женщины, ни младенцы, ни что не было пощажено. Раненые отправлены на тотѣ свѣтѣ пушками *республиканцевъ*, мечемѣ *свободы* и штыкомѣ *равенства.*

,,Кланяюсь и восхищаюсь дѣлами повѣренныхѣ народа; младшаго *Робеспьера, Френона* и прочихѣ.

Брутъ Бонапартъ,
Гражданинъ Голоколѣнецъ.

3е число республиканскаго мѣсяца Вендимiера.

Вѣ сей ужасный день Наполеонѣ стрѣлялѣ вѣ улицахѣ Парижа картечью, и покомѣ же? по нещастной толпѣ народа, вѣ которой находились женщины и дѣти, и которыя изѣ любопытства взошли на ступени церкви *Сент-Рошской* вѣ улицѣ *Сент-Онореской.*

Наполеонъ въ Италiи.

Когда Наполеонѣ женился на вдовѣ Графа *Богарня,* любовницы *Барассовой,* Директорiя дала ему начальство вѣ Италiи, гдѣ во всей силѣ ознаменовались свирѣпство и кровожадность его.

Безѣ всякаго суда разстрѣлялѣ онѣ многихѣ повѣренныхѣ, бывшихѣ

при внутреннемъ управленіи войска. Въ вѣдомостяхъ того времени сильно порицали его поступки, особливо противъ Герцога *Моденскаго*, который находясь въ мирѣ съ Франціей, принужденъ былъ заплатить тяжкую подать, чтобы не разграбили и не раззорили его областей. Наполеонъ, жившій во дворцѣ Герцога, заграбилъ все золото.

Походъ въ Египетъ.

Директорія, устрашенная наглостію Наполеона, дерзостію и награблеными имъ сокровищами, къ удаленію его выдумала походъ въ Египетъ. На берега Египта вывелъ онъ съ собою всѣ ужасы, поражающіе человѣчество. Каждый шагъ ознаменовывался злодѣйствомъ. Взявъ приступомъ городъ *Яффу*, онъ предалъ

мечу нѣсколько отрядовъ *Яффскихъ войскъ*; большая половина укрылись въ мечети и умолила о пощадѣ. Сжалясь надъ ними, Французы ихъ выпустили. Наполеонъ строго укорялъ войско за человѣколюбивый подвигъ, и рѣшился разстрѣлять нѣсколько тысячь плѣнныхъ. Спустя три дни, велѣлъ онъ плѣннымъ Туркамъ итти на высоты *Яффскія*, гдѣ насупротивъ ихъ вытянулось отдѣленіе Французскихъ войскъ. Турки, ничего не подозрѣвая, также построились. Вдругъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ вѣроломство, убійство и смерть. Пули и картечи градомъ посыпались, на нещастныя и беззащитныя жертвы. Между тѣмъ Наполеонъ издали смотрѣлъ въ зрительную трубку, и примѣтя поднявшійся дымъ, радостно воскрик-

нулъ: *ихъ нѣтъ!* Генералъ *Клеберъ* сильно выговаривалъ Наполеону за сіе злодѣйство. Съ сего времени Наполеонъ воспылалъ мщеніемъ къ Клеберу. Неумершіе Турки отъ пуль и картечей, доколоны были штыками; а нѣкоторые томились нѣсколько дней въ лютыхъ страданіяхъ!

Вскорѣ послѣ сего ужаснаго произшествія, Наполеонъ, призвавъ одного изъ Французскихъ врачей, сказалъ: „больницы завалены ранеными и больными; къ предупрежденію заразы остается одно средство—*истребленіе всѣхъ больныхъ!*" Человѣколюбивый врачь тщетно старался отклонить Наполеона отъ звѣрскаго его предпріятія: съ угрозами настаивалъ онъ въ своемъ мнѣніи. Вышедъ изъ ставки изверга, великодушный врачъ произнесъ сіи достопа-

мятныя слова: *не хочу быть убійцею; и естьли злодѣянія дѣлаютъ великихъ людей, то благодарю Бога, что я неспособенъ къ злодѣйствамъ!*

Между тѣмъ, по наставленію Наполеона, одинъ *Аптекарь* въ самую вкусную пищу подмѣшалъ *опіуму*. Чрезъ нѣсколько часовъ умерло 180 человѣкъ.

Получа письма изъ Парижа отъ своихъ сообщниковъ, Наполеонъ бросилъ на жертву остатки своего войска въ Египтѣ и безстыдно бѣжалъ во Францію. Генералъ *Клеберъ* принялъ начальство, заключилъ *Эль-аришское условіе*, хотѣлъ отправиться во Францію и изобличить изверга. *Мену* извѣстилъ о семъ Наполеона, который подкупилъ убійцъ, поразившихъ великодушнаго *Клебера*.

Осмнадцатое число Республиканскаго мѣсяца Брюмера.

Убѣжавъ изъ Египта, Наполеонъ вознамѣрился ниспровергнуть *Директорію* и владычествовать самовластно. Нашлись сообщники. Наполеонъ восторжествовалъ. *Барассъ*, его покровитель, былъ первою жертвою его самовластія. Услыша отъ *Botoma*, Барассова Секретаря, что онъ проситъ отставку и желаетъ знать, какъ съ нимъ поступятъ, Наполеонъ отвѣчалъ: „скажи ему, чтобъ онъ не казался мнѣ на глаза; я съ нимъ управлюсь.“

Наполеонъ никакъ бы не успѣлъ въ заговорѣ 18 *Брюмера*, естьлибъ не былъ поддержанъ братомъ своимъ *Луціаномъ*. Дѣйствіе происходило въ *оранжереи* Сенклудскаго сада. Когда

блеснули кинжалы, когда загремѣли угрозы, Наполеонъ затрепеталъ, поблѣднѣлъ. Луціанъ говорилъ вмѣсто его, пока вступило войско. Ободрясь присутствіемъ войска, и съ помощію его устраша *Директорію*, Наполеонъ быстро взлетѣлъ на коня, поскакалъ изъ *Сен-Клу* въ Парижъ, крича во все горло: *я Богъ войны!*

Смерть Генерала Дезе.

На поприщѣ воинскомъ Дезе прославился дѣлами мужества и чести. Находясь въ Египтѣ, и справедливо негодуя на постыдное бѣгство Наполеона, Дезе хотѣлъ его изобличить какъ убійцу и бѣглеца. Извергъ рѣшился и его погубить. Случай къ сему представился въ Италіи, во время *Маренгскаго сраженія.* Битва

сія была проиграна. Наполенъ, окруженный своими Генералами, плакалъ какъ ребенокъ. Вдругъ появляется *Дезе* съ запаснымъ войскомъ, устремляется на непріятеля, — и побѣда отъ Австрійцевъ переходитъ къ Французамъ. Пылая яростію и досадою, страшась, чтобы не провозгласили *Дезе* побѣдителемъ, Наполеонъ немедленно отправляетъ одного изъ палачей своихъ и приказываетъ убить Генерала *Дезе*. Въ то самое время, когда побѣдитель выдерживалъ сильнѣйшій непріятельскій огонь, убійца выстрѣлилъ въ него пулею съ тылу, и поразилъ между плечь кинжаломъ. *Дезе* умеръ не успѣвъ почти дохнуть. Коварный Наполеонъ распустилъ молву, будто бы сей Генералъ препоручилъ ему сказать: „возвѣстите первому Консулу, что

умирая, я о томъ только сожалѣю, что не успѣлъ довольно сдѣлать для потомства.„ *Дезе* не могъ и не успѣлъ промолвить ни слова. Прикрывая злодѣйство свое притворствомъ, Наполеонъ, получа вѣсть о смерти *Дезе*, воскликнулъ: „для чего не могу я плакать!“ — Уступая однако невольно общимъ требованіемъ, Наполеонъ принужденъ былъ воздвигнуть Генералу *Дезе* памятникъ, котораго подъ разными предлогами никогда не открывалъ. . .

Наполеонъ Консулъ.

Похитя власть и чужую славу, Наполеонъ послѣ *Маренгскаго сраженія* еще болѣе усилился. Досадуя, что пересталъ *на время* проливать кровь, онъ возобновилъ во Франціи *владычество ужаса*, свирѣпствовавшаго при

Роберспьеръ. Вопреки договору, заключенному въ пользу *Роялистовъ* Генераломъ *Шамберлахомъ*, онъ разстрѣлялъ *Фронте*, начальника приверженцевъ Королевскихъ.

Арена.

Генералъ *Арена*, двоюродный братъ и *благодѣтель Наполеона*, *свободно* говорилъ, что первый Консулъ похищаетъ власть, и жаловался на его неблагодарность. Арена оказалъ услуги не только самому Наполеону, но матери его и сестрамъ, по изгнаніи ихъ изъ Корсики 1793 года. Въ награду за такія услуги, онъ просилъ, чтобы возвратили его брата, засѣдавшаго въ *Пятисотномъ Совѣтѣ* и сосланнаго на островъ *Олеронъ* послѣ 18 *Брюмера*. Опасаясь запальчиваго

Арены, Наполеонъ *выдумалъ* заговоръ, въ который его замѣшалъ, и опредѣлилъ казнить. Симъ мнимымъ заговоромъ *Корсиканецъ* умыслилъ погубить нѣсколькихъ *Якобинцевъ*, которыхъ тогда страшился. Изрывая такую же пропасть *Роялистамъ*, онъ изобрѣлъ *адскую машину*. Съ помощію сихъ злоумышленій, Наполеонъ увѣрялъ Французовъ, будто бы всѣ враги Франціи за то на него возстаютъ, что онъ необходимъ *для* Французовъ. Были легкомысленные люди, которые вѣрили, что мнимые заговоры подлинно существовали; есть еще и теперь люди, которыхъ нельзя убѣдить въ томъ, что Наполеонъ — *великъ однѣми злодѣяніями*.

Отправленіе войскъ на островъ Сен-Доминго.

При отправленіи войскъ на островъ *Сен-Доминго*, Польскій *легіонъ* подалъ голосъ противъ сего назначенія. Наполеонъ приказалъ разстрѣлять 50 Офицеровъ и тысячу рядовыхъ. Остальные, отправясь насильно, при первомъ случаѣ перебѣжали къ Неграмъ.

Наполеонъ домогается престола.

Захвативъ самовластіе подъ именемъ перваго Консула, высокомѣрный Наполеонъ вознамѣрился похитить престолъ Французскій. Но первоначально старался онъ получить отреченіе Людовика XVIII. Отвѣтъ Людовика показалъ, что злополучіе не побѣждаетъ истиннаго

величія души. Не успѣвъ обольстить явно, коварный Наполеонъ отправилъ повѣреннаго своего въ Варшаву, гдѣ тогда находился потомокъ Святаго Людовика и Генриха IV. Повѣренный узналъ въ Варшавѣ, что дѣло еще не началось, и отписалъ въ Парижъ, требуя надлежащихъ наставленій. Наполеонъ не медлилъ въ злодѣйствѣ; онъ тотчасъ сообщилъ слѣдующія наставленія:

1) Стараться увезть *Людовика*, а въ случаѣ сопротивленія *убить его.* Вѣроятно, что по разрывѣ Англіи съ Франціей, Французское войско займетъ Ганноверъ, откуда и отправится отрядъ войскъ въ мѣщанской одеждѣ.

2) Стараться захватить всѣхъ приближенныхъ Людовика и бумаги ихъ.

3) Условиться съ почтовыми Варшавскими служителями, чтобы перехватывать, или, по крайней мѣрѣ, перечитывать всѣ письма Людовика и тѣ, которыя будутъ тамъ на имя его.

Въ то же самое время, для произведенія въ дѣйствіе заговора, изъ Парижа переслали въ Гамбургъ четыре тысячи червонныхъ. Не исполняя ни одного изъ данныхъ наставленій, повѣренный уѣхалъ изъ Польши.

Раздраженный сею неудачей, Наполеонъ предпринялъ выманить Французскихъ Принцевъ изъ Англіи, и старался вызвать оттуда Генераловъ *Пишегрю*, *Жоржа* и другихъ. Жоржево дѣло, о которомъ предложу послѣ, приняло оборотъ, противный ожиданіямъ Наполеона. Алча

упиться кровію, во что бы то ни стало, свирѣпый Наполеонъ обратилъ взоры на Принца *Энгіенскаго*. Якобинцы были еще сильны; они могли ему препятствовать въ полученіи престола, не потому, будто бы были друзьями свободы; но потому, что сами алкали владычествовать. А сверхъ того они опасались, чтобы Наполеонъ не отдалъ ихъ въ жертву общаго мщенія, какъ враговъ и ненавистниковъ всѣхъ правительствъ. Пронырливый Наполеонъ рѣшился заключить съ ними союзъ силою новаго злодѣйства; равно Якобинцамъ, вознамѣрился онъ обагрить руки свои кровію *Бурбоновъ*. . . . Герцогъ Энгіенскій былъ разстрѣлянъ, и Якобинцы дозволили Наполеону взойти на престолъ, думая, что симъ злодѣяніемъ навсегда отлучатъ

отъ престола Бурбоновъ, возбуждавшихъ въ сердцахъ ихъ страхъ и опасеніе.

Умерщвленіе Герцога Ангіенскаго.

Три уже года Герцогъ Энгіенской жилъ уединенно въ *Етенгеймскомъ* своемъ помѣстьѣ, которое купилъ съ согласія Курфистра Баденскаго и даже съ согласія самаго Наполеона.

15 Марта 1804 года Генералы *Орденеръ* и *Фриріонъ* прибыли въ *Етенгеймъ*. Герцогъ легъ уже спать. Извѣстясь, что на дворѣ его происходитъ шумъ, Герцогъ бросился съ постели въ рубашкѣ и схватилъ ружье. Одинъ изъ его слугъ также взялъ ружье. Отворивъ окно, Герцогъ закричалъ: *кто идетъ?* Одинъ изъ *Жандармовъ* отвѣчалъ наглостью.

Герцогъ и дворецкій его хотѣли стрѣлять; но Баронъ *Гринштейнъ*, находившійся при лицѣ Герцога, вырвалъ у него ружье, говоря, что сопротивленіе еще болѣе нанесетъ вреда. Баронъ послѣ сего легъ, обѣщавъ, что естьли придутъ брать Герцога, то выдастъ себя за него. Герцогъ наскоро надѣлъ исподнѣе платье и охотничій камзолъ; онъ не успѣлъ надѣть сапогъ. Вдругъ входятъ по лѣстницѣ съ пистолетомъ и спрашиваютъ: *кто изъ васъ Герцогъ Энгіенскій?* Хотя Баронъ и обѣщалъ пожертвовать собою, но онъ молчалъ. Спрашиваютъ вторично; Баронъ молчитъ, и — показываетъ, что онъ недостоенъ былъ Герцоговой довѣренности. Взглянувъ на него съ презрѣніемъ, Герцогъ говоритъ Жандармамъ: „Естьли вы пріѣхали

взять Герцога Энгіенскаго, то вамъ конечно сообщили примѣты: ищите его." „Естьлибъ намъ означили примѣты отвѣчали Жандармы, мы бы и не стали разспрашивать. За то, что не хотите объявить, кто изъ васъ Герцогъ — ступайте всѣ за нами." И въ ту же минуту, схвативъ Герцога и не давъ ему даже обуться, Жандармы увлекаютъ его. Герцогъ былъ въ туфляхъ. Остановясь у мельницы, Жандармы встрѣчаютъ тамъ *Етейгемскаго* голову, и приказываютъ ему пересказать имена всѣхъ бывшихъ съ Герцогомъ. По третьему имени узнаютъ Герцога Энгіенскаго!... 20 Марта въ четыре часа по полудни пріѣзжаютъ къ Парижской заставѣ, гдѣ уже ожидалъ нарочный, который повѣстилъ, что Герцога приказано около стѣны провесть въ

Венценской замокъ. Обремененный усталостію и во всю дорогу не употреблявъ почти никакой пищи, Герцогъ бросился на ветхую кровать и заснулъ глубокимъ сномъ.

Въ одиннадцать часовъ ночи его разбудили; повели въ среднее отдѣленіе, обращенное къ лѣсу, гдѣ ожидали восемь человѣкъ судей Наполеоновыхъ. Герцогъ на всѣ вопросы отвѣчалъ просто и мужественно. На вопросъ Предсѣдателя, для чего онъ воевалъ противъ Франціи, Герцогъ отвѣчалъ: „я сражался съ семейством своимъ для возвращенія наслѣдства предковъ." Пораженные твердостью духа и невинностію Герцога Энгіенскаго, судьи недоумѣваютъ и не отваживаются ничего рѣшить: они отправляютъ къ Наполеону письмо для полученія его при-

казаній. Вѣ *Тюльери* сбирается совѣтѣ. *Камбасересѣ* подаетѣ голосѣ, чтобы не умерщвлять Герцога. „Давно ли, возражаетѣ Наполеонѣ: давно ли ты сталѣ такѣ скупиться кровію Бурбоновѣ." — И на концѣ письма означилѣ: *осужденѣ кѣ смерти.*

По заключеніи приговора входитѣ Г. Н..., почетный Жандармскій Офицерѣ, воспитывавшійся вѣ домѣ *Кондея,* отца Герцогова. Герцогѣ узнаетѣ его и изъявляетѣ удовольствіе. Офицерѣ потупляетѣ глаза и плачетѣ. — Онѣ назначенѣ начальникомѣ того отряда, который долженѣ разстрѣлять великодушнаго Герцога!... Выходятѣ изѣ вертепа убійцѣ; по узкой и темной лѣстницѣ спускаются вѣ ровѣ. Оборотясь кѣ Офицеру, Герцогѣ спрашиваетѣ: „ужели меня хотятѣ погребсти живаго вѣ

простенкѣ.“ Нѣтъ, отвѣчаетъ рыдающій Офицеръ: нѣтъ! будьте покойны.“ Вскорѣ приходятъ на мѣсто казни. Увидя приготовленія къ смерти, юный Герой восклицаетъ: „Слава Богу! Я умру какъ воинъ!“ —

За нѣсколько минутъ до смерти своей, Герцогъ твердымъ голосомъ сказалъ: *пойдемъ друзья мои!* Одинъ изъ Жандармовъ дикимъ и свирѣпымъ голосомъ отвѣчалъ: *у тебя здѣсь нѣтъ друзей!* — По выслушаніи смертнаго приговора, Герцогъ требовалъ духовника. Жандармы отвѣчали ему съ язвительною усмѣшкою: *развѣ ты хочешь умереть, какъ монахъ? Духовника! какой вздоръ: гдѣ теперь взять поповъ? Они давно улеглись спать.* — Не отвѣчая на сіи безбожныя слова, Герцогъ становится на колѣни, возводитъ взоры и

душу къ Небесамъ, читаетъ молитву, и потомъ говоритъ: *пойдемъ!*

Въ Восточной части Венценскаго замка разстрѣленъ былъ Марта 1804 года *Людовикъ Антоній* Генрихъ Бурбонъ, *Принцъ Энгіенскій*, родившійся въ Шантильи близь Парижа 2 Августа 1777 года. Въ юности лѣтъ своихъ украшался онъ всѣми качествами геройства и добродѣтели.

Мюратъ и *Савари* были свидѣтелями казни и возвѣстили Наполеону, что кровь Принца Энгіенскаго примиряетъ его съ Якобинцами, казнившими Людовика XVI.

Злоумышления Корсиканца Бонапарта против Французскаго Генерала Моро.

Не одни *Якобинцы* могли препятствовать властолюбивымъ замысламъ Наполеона; были и *Роялисты*, непоколебимо приверженные къ Бурбонамъ; были *Республиканцы* по правиламъ или по привычкѣ, которые не помрача имени своего ни злодѣяніемъ, ни насиліемъ, прилѣпились къ тогдашнему правительству по заслугамъ гражданскимъ и воинскимъ. На первой степени сихъ людей, обольщенныхъ мечтою свободы, былъ Генералъ *Моро*. Хотя имя его разнеслось по Европѣ громомъ побѣдъ и славы, но онъ являлъ столько же скромности и простоты, сколько Наполеонъ оказывалъ надменности и хва-

ствовства. Моро обожаемъ былъ Французскими воинами, которыхъ щадилъ кровь; онъ любимъ былъ и врагами за великодушное человѣколюбіе. Подчиненные ему Генералы уважали его за то, что никогда не похищалъ у нихъ славы.

Къ погубленію сего опаснаго соперника, Наполеонъ истощилъ всѣ хитрости коварнаго своего ума. Но сперва разсмотримъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ Генералу Моро, а потомъ предложимъ обстоятельства мнимаго заговора, равно всѣмъ другимъ кознямъ, выдуманнаго и устроеннаго самимъ Наполеономъ.

Ограбя Италію, набогатясь безмѣрно, *Наполеонъ* устрашилъ новое правительство, извѣстное во Франціи подъ именемъ *Директоріи*. Сіе скопище возмутителей, нагло посяг-

гавшихъ на жизнь природнаго Короля, въ уничиженіи раболѣпствовало предъ Корсиканцемъ *Наполеономъ.* Въ угожденіе ему удалило оно *Моро* съ поприща воинскаго. Поступокъ сей тѣмъ безстыднѣе, что Члены *Директоріи* сами признавались, что *Моро* непосредственно содѣйствовалъ къ побѣдамъ *Бонапарта* въ *Италіи.* Тогдашній Директоръ, Якобинецъ *Карно,* въ запискахъ своихъ говоритъ: „Хотя крылья и тылъ *Бонапартовой* „арміи были свободны; но у него „недоставало войскъ къ рѣшительнымъ успѣхамъ противъ Австрійцевъ. *Бонапартъ* требовалъ *пятнадцати тысячь* войскъ; я назначилъ „*тридцать тысячь.*"

Здѣсь невольно прерываю разсказъ: не льзя не замѣтить такой досто-

памятной черты Французскаго буйства и разврата.

Карно и прочіе бунтовщики начали возмущеніе *во имя народа*, и они ни во что вмѣняли жизнь и кровь народа. *Корсиканецъ* Бонапартъ требуетъ *пятнадцати тысячь* войскъ; Якобинецъ *Карно* однимъ почеркомъ пера назначаетъ *тридцать тысячь*. И сіи изверги повѣщали и возвѣщаютъ, что они хотятъ спасти человѣчество! *Карно* презирая Французовъ и человѣчество, выдумалъ воевать *сколищами*, то есть, противъ десяти тысячь выставлять тридцать, пятдесятъ и болѣе. Съ самаго начала Французскаго мятежа Французы такимъ образомъ воевали: вездѣ *многочисленностію сколищь* захватывали они области. У Французовъ это называется *воевать массами*. Они гово-

рятъ: *масса* народа, *масса* войскъ. По Руски это значитъ: скопище, толпа народа, толпа войскъ. Но Рускіе, уважая народъ и войско, никогда не назовутъ ихъ ни *массами*, ни *скопищами*, ни *толпами*. Такъ прилично объясняться тѣмъ, которыхъ Руской Суворовъ называлъ *бунтовщиками* и *нечестивцами*. Когда во Франціи были еще вѣра и законъ, тогда Французы иначе мыслили и поступали. Знаменитый полководецъ *Тюрень*, находясь на зимнемъ постоѣ въ Германскихъ областяхъ, писалъ къ *Людовику* Четырнадцатому: „Государь! у меня *сорокъ тысячь* войскъ; „такое *чрезвычайное число* обременяетъ и изнуряетъ тѣ области, гдѣ „я нахожусь. Мы воюемъ не для пагубы народовъ, но для чести и обороны Государства; а для сего мнѣ

„довольно и *двадцати тысячъ.*" Такъ изъяснялись законные полководцы, у которыхъ въ сердцѣ были Богъ, отечество, честь и Вѣра. Наступятъ ли опять во Франціи тѣ времена, когда дорожили вѣрой, честью и кровью народа? . . .

„Назначаемыя тридцать тысячъ войскъ *Бонапарту*" продолжаетъ *Карно*: „долженствовали поступить изъ арміи Генерала *Моро*, который оказалъ въ семъ случаѣ безпримѣрное великодушіе. Предвидя, что ему нужно будетъ отдѣлить отъ себя часть войска, онъ давно заготовилъ *запасное войско.* А сверхъ того, хотя армія его была всѣхъ несчастнѣе, потому что *не могла жить на счетъ непріятелей*, хотя нуждался онъ въ деньгахъ; но онъ всѣмъ пожертвовалъ, чтобы снабдить сколько воз-

можно лучше *запасное войско*, которое бы по первой повѣсткѣ могло выступить. Такъ и случилось. Получа предписаніе, *Моро* немедленно отправилъ отъ себя заготовленное войско къ Бонапарту (*).“

Вольнодумцы Французскіе давно уже проповѣдуютъ въ развратныхъ своихъ книгахъ, будто бы *благодарность есть тягостное и постыдное иго*. Бонапартъ, затвердя всѣ правила разврата и безбожія, изгналъ изъ души своей благодарность къ Богу и людямъ. За безкорыстный подвигъ, за помощь, которую *Моро* оказалъ ему въ тѣсныхъ его обстоятельствахъ, онъ заплатилъ ему злобою и мщеніемъ.

(*) Изъ записокъ *Карно*, изданныхъ имъ 1799 года.

Повторимъ еще, что безстыдная *Директорія*, страшась обогатившагося *Корсиканца*, рѣшилась наконецъ изгнать его изъ Франціи. Что же она сдѣлала? Вмѣстѣ съ *Бонапартомъ* изгнала она *сорокъ тысячь войска*, подъ предлогомъ завоеванія Египта; и такое изгнаніе учинено во имя *вольности*, *равенства* и *республики!* Вольнодумцы говорятъ: „Люди *суть* „*шашки; играй ими, пока удается* (1).“

За два мѣсяца до бѣгства *Бонапарта* изъ Египта составился новый заговоръ въ Парижѣ. Заговорщики убѣждали *Моро* быть главою онаго. *Моро* отвѣчалъ: „Отнеситесь къ Бо-

---

(*) Это напечатано во Французской книгѣ, изданной 1808, подъ заглавіемъ *Нравственныя мысли*. Такая нравственность достойна извергов, бунтовщиковъ и нечестивцевъ.

„напарту; ему лучше всѣхъ извѣстно „искуство, какъ *воевать въ улицахъ „Парижскихъ.*“ Сими словами намѣкалъ *Моро* о томъ случаѣ, когда *Бонапартъ* въ улицахъ Парижскихъ стрѣлялъ картечью по народу.

„Естьли *Моро*“ говоритъ сочинитель книги, изъ которой почерпаю главныя подробности о злоумышленіи Бонапарта противъ сего Генерала: „естьли *Моро* не хотѣлъ удовлетворить своему честолюбію, то укоримъ его за то, что вспомоществовалъ властолюбію другаго. Оказавъ Бонапарту сильную помощь въ началѣ *Консульства*, онъ проложилъ ему дорогу къ престолу. *Моро* безъ сомнѣнія этого не желалъ; но ему надлежало размыслить о послѣдствіяхъ. Когда *Бонапартъ*, оставя Египетъ, выступилъ на берега Фран-

ціи, счастіе возвращалось подъ знамена *республики*; славу и подвиги другихъ „*Бонапартъ* все себѣ одному присвоилъ.“ *Моро* о сихъ обстоятельствахъ объясняется такимъ образомъ: „Я участвовалъ въ перемѣнѣ, произведенной *Бонапартомъ* „по возвращеніи изъ Египта; я участвовалъ, хотя меня вызывали возстать противъ него. Чрезъ непосредственное мое содѣйствіе *Бонапартъ* достигъ вышней степени „власти и могущества.“

Бонапартъ отблагодарилъ по *Корсикански*: онъ въ то же самое время пренебрегъ *Рейнскую армію*, находившуюся подъ начальствомъ *Моро*. Вскорѣ потомъ *Наполеонъ* бросился черезъ горы въ Италію, напалъ на Австрійцевъ и съ помощію Генераловъ *Келлермана* и *Дезе* одержалъ по-

бѣду. Извѣстно также, что естьлибъ *Массена* за три дни до *Маренгскаго сраженія* не принудилъ сдаться *Геную*, то *Бонапартъ* погибъ бы неизбѣжно. Многіе крайне того желали. Нѣкоторые даже назначали *Моро* начальникомъ республики; другіе хотѣли вызвать *Бурбуновъ*; третіи желали Принца *Энгіенскаго*. Припомнимъ, что по сему особенно случаю *Бонапартъ* умыслилъ погубить сего несчастнаго Принца. Извѣстясь, что онъ захваченъ, *Наполеонъ* сказалъ одному изъ главныхъ приверженцовъ *Принца Энгіенскаго*: „Вашъ любимецъ „будетъ разстрѣлянъ." Насмѣшка, достойная чудовища, увеселяющагося убійствомъ и злодѣйствами! . . .

Бонапартъ и потому ненавидѣлъ Генерала *Моро*, что онъ былъ въ числѣ приверженцевъ Герцога Энгіен-

скаго. 1796 года, находясь въ Германіи, *Моро* часто посѣщалъ въ *Небургѣ* Графиню *Оберсдорфъ*. Въ домѣ Графини, отличавшейся умомъ и обхожденіемъ, сходились всѣ Французскіе Генералы. Однажды, въ присутствіи *Сен-Сира* и *Вандама*, Моро откровенно объяснялся о новомъ Французскомъ правительствѣ. „Думаете ли вы, сударыня! сказалъ онъ Графинѣ, что мы уважаемъ теперешній порядокъ вещей и новыхъ правителей Франціи? Отнюдь нѣтъ: мы потому только притворствуемъ, что иностранные дворы не хотятъ сноситься съ Французскими войсками; но лишь войдемъ во Францію, то начнется новая *революція*. Республика для Франціи негодится; намъ нуженъ Король *Конституціонный*. Войско много полагается на одного молодаго

Принца, который уже прославился на поприщѣ воинскомъ и доказалъ, что въ жилахъ его льется кровь Великаго *Кондея.*"

Рѣчь сія пересказана была Наполеону, и онъ тогда уже вознамѣрился погубить Моро.

Вскорѣ. послѣ *Маренгскаго сраженія* и *Моро* увѣнчался новою славою. При *Гогенлиндинѣ* разбилъ онъ лучшую Цесарскую армію. Уже онъ шелъ къ Вѣнѣ. . . . Завидуя симъ успѣхамъ и не смѣя явно отнять у *Моро* начальства, *Бонапартъ* рѣшился похитить у него славу. Вотъ по чему поспѣшилъ онъ заключить *Люневильскій миръ*, миръ вредный, который въ самомъ началѣ предвѣстилъ новыя распри и брани. *Бонапарту* хотѣлось только удалить *Моро* съ того по-

прища, на которомЪ удивлялЪ онЪ Европу и ФранцузовЪ. Для погубленія соперника *НаполеонЪ* не пожалѣлЪ бы половины Франціи.

Моро видѣлЪ, *Моро* зналЪ, для чего *БонапартЪ* остановилЪ его на пути побѣдЪ; но онЪ безЪ всякаго прекословія возвратился во Францію. „ЕстьлибЪ я былЪ склоненЪ кЪ заго-„ворамЪ" говорилЪ *Моро*, когда *БонапартЪ* оклеветалЪ его вЪ небывалОмЪ заговорѣ: „то мнѣ предстоялЪ „самый удобный случай вЪ то время, „когда возвратился я во Францію, „одержавЪ побѣды, ускорившія мирЪ. „Повсюду раздавались благодарныя „восклицанія ФранцузскихЪ воиновЪ... „ВластолюбецЪ, заговорщикЪ распу-„стилЪ ли бы *сто пятдесятЪ тысячЪ* „войска? а я это сдѣлалЪ. Желая

„одного спокойствія, я избралъ мир-„ную, уединенную жизнь."

Изъ простаго показанія произше-ствій видно, что *Бонапартъ* обязанъ *Моро* едва ли еще не болѣе *Барраса*, который, женивъ его на своей любовницѣ, вмѣсто приданаго далъ ему Генеральской чинъ и Италіянскую армію. Неблагодарный *Корсиканецъ* сбылъ съ рукъ *Барраса* въ одинъ мигъ потому, что сей *Директоръ* не былъ извѣстенъ ни славой, ни побѣдами. *Моро* ввелъ съ собою въ Парижъ славу и побѣду; слава послѣдовала за нимъ и въ мирное уединеніе.

Бонапартъ знаетъ наизусть всѣ пронырства, всѣ тайныя хитрости и происки, посредствомъ которыхъ и коварнѣйшій злодѣй въ глазахъ людей легкомысленныхъ кажется *великимъ*. Онъ употребилъ всѣ тонкости

адскаго своего искуства не только къ низверженію *Моро*, но и къ тому, чтобы показать, будто бы онъ за всѣ мнимыя его благодѣянія отплатилъ ему неблагодарностью! Язычники, принося богамъ своимъ жертву, сперва увѣнчивали оную цвѣтами, а потомъ поражали остріемъ ножа. Такъ поступилъ и *Корсиканецъ*, умысливъ принесть *Моро* въ жертву зависти и мщенія своего. Онъ ласкалъ *Моро*, онъ притворялся, будто бы цѣнитъ его славу, его побѣды, его заслуги Франціи. Онъ подарилъ ему драгоцѣнную шпагу и назначилъ сорокъ тысячь жалованья. Французамъ извѣстно было, что Генералъ *Моро* съ полей побѣдъ возвратился съ блестящею славою, но съ бѣднымъ состояніемъ.

Мнимыми изъявленіями благодар-

ности къ любимому полководцу Французовъ, бросивъ имъ въ глаза пыль, *Бонапартъ* приступилъ къ другимъ проискамъ: онъ началъ изыскивать всѣ средства, чтобы раздражить самолюбіе *Моро* и очернить славу его побѣдъ. Извѣстно, что *Суворовъ* называлъ *Моро Полководцемъ славныхъ отступленій.* Кто умѣлъ отъ Суворова отступать въ порядкѣ и съ воинскою честію, тотъ и за отступленіе достоинъ славы и чести. *Моро* отступалъ такимъ образомъ отъ Суворова. Руской Полководецъ имѣлъ право называть его Полководцемъ *славныхъ отступленій.* Но *Бонапартъ,* одолженный *Моро* воинскою своею славою, могъ ли повторить слова *Суворова* и при томъ изкажая оныя? Корсиканецъ просто проименовалъ *Моро Генераломъ отступленій.* Всѣ

его побѣды перетолковывалъ по своему и осмѣивалъ. Язвительныя насмѣшки *Бонапарта* возмутили мирную жизнь *Моро*. Онъ зналъ Французовъ, онъ зналъ, что они по легкомыслію своему съ жадностію ловятъ всякія насмѣшки и рады всему вѣрить, чтобы только имѣть случай сказать острое слово на чей бы то ни было счетъ.

Объявя войну самолюбію *Моро*, Корсиканецъ въ то же самое время обольщалъ Французовъ высадкою на берега Англіи. Кто осмѣливался сомнѣваться въ успѣхѣ сумазброднаго его предпріятія, тотъ немедленно подвергался его мщенію. *Моро*, раздраженный насмѣшками неблагодарнаго *Бонапарта*, перевозныя его суда называлъ *орѣшиною скорлупою*. Смѣясь также и тому, что Корсиканецъ

дарилЪ *почетными ружьями*, *барабанами*, *тростями*, *Моро* призвалЪ кЪ себѣ однажды послѣ обѣда повара, и сЪ такою же важностію, сЪ какою *Бонапартъ* раздавалЪ свои *почетныя затѣи*, сказалЪ повару: *За твои услуги назначаю тебѣ почетную кастрюльку*.

Бонапартовы шпіоны, наблюдавшіе каждый шагЪ *Моро*, подстерегавшіе каждое его слово, обо всемЪ доносили извергу и сообщникамЪ его. Вѣроятно, что и ревностные приверженцы *Бурбоновъ*, видя негодованіе *Моро* на *Бонапарта*, ласкались, что привлекутЪ его на свою сторону. Но всѣмЪ извѣстно, что *Моро* ни сЪ кѣмЪ не имѣлЪ тогда никакого сношенія: судя по его нраву. онЪ даже и неспособенЪ былЪ ни кЪ какимЪ предпріятіямЪ. *Моро* умѣлЪ только

на полѣ сраженія расчислять и соображать военныя дѣйствія.

Напротивъ того *Бонапартъ*, одолженный другимъ своими побѣдами, превзошелъ всѣхъ въ неутомимой дѣятельности коварства и злоумышленія. Между тѣмъ какъ *Моро*, не заботясь ни о какихъ замыслахъ, явными насмѣшками оказывалъ свою досаду, *Корсиканецъ* съ тайными своими сообщниками сплеталъ три ужаснѣйшіе адскіе кова *Во первыхъ*: онъ рѣшился заманить въ Парижъ изъ Англіи главныхъ приверженцовъ *Бурбоновъ*, въ числѣ которыхъ были знаменитый Полководецъ *Пишегрю* и Генералъ *Жоржъ*, неустрашимо сражавшійся за вѣру и Короля. *Во вторыхъ*: къ сему вызову *Бонапартъ* вознамѣрился припутать мнимый заговоръ *Моро*. Наконецъ онъ умыслилъ однимъ прі-

емомъ погубить *Моро* и главныхъ друзей законной власти. Выбравъ пронырливѣйшихъ шпіоновъ, онъ приказалъ имъ изъявлять притворную приверженность къ *Бурбонамъ*; онъ научилъ ихъ, что должно писать въ Англію, чтобы выманить оттуда *Пишегрю* и *Жоржа*; онъ подослалъ къ *Моро* злодѣевъ, которые, будто бы изъ уваженія къ *Пишегрю*, увѣдомили *Моро*, что отъ него единствено зависитъ возвращеніе Пишегрю во Францію. Когда невинный *Моро* принужденъ былъ оправдываться въ судѣ, онъ сказалъ: ,,Многіе выходцы ,,и изгнанные изъ Франціи возвра- ,,тились. Мнѣ сказали, что я одинъ ,,полагаю преграду возвращенію *Пи-* ,,*шегрю*. . . . Мнѣ сказали, что есть- ,,ли я хотя мало буду за него хода- ,,тайствовать, то Генералъ *Пишегрю*

,,немедленно будетЪ призванЪ во ,,Францію. Каждый Французскій граж-данинЪ на моемЪ мѣстѣ то же бы ,,сдѣлалЪ, что и я; каждый добрый ,,гражданинЪ желалЪ, чтобы *Пишег-* ,,*рю* возвратился подЪ знамена ре-,,спублики, которой оказалЪ онЪ важ-,,ныя услуги сЪ самаго начала рево-,,люціи."

ИзЪ сихЪ словЪ видно, что *Моро* ни мало не примѣтилЪ сѣтей, раз-ставленныхЪ ему КорсиканцемЪ. Хо-тя онЪ говорилЪ, что *Бонапартъ лучше всѣхъ умѣетъ воевать въ Па-рижскихъ улицахъ*; но онЪ какЪ будто бы забылЪ, что *Бонапартъ* вЪ Пари-жѣ, и что онЪ продолжаетЪ тайную и коварную войну вЪ тѣхЪ же ПарижскихЪ улицахЪ. *Моро* не имѣлЪ осторожности, доставля-емой опытомЪ; во время рево-

люціи нѣкогда было и пріобрѣсть ее. Ему пріятно было слышать, что онъ только одинъ можетъ исходатайствовать Генералу *Пишегрю* дозволеніе возвратиться во Францію. Злодѣи, подосланные къ нему *Бонапартомъ*, непрестанно ему о томъ твердили. Уловленный ихъ хитростію, *Моро* началъ говорить въ пользу *Пишегрю* друзьямъ и знакомымъ своимъ. *Бонапарту* этого только и хотѣлось: онъ выжидалъ только случая, чтобы самъ *Моро* показалъ, что онъ беретъ участіе въ жребіи *Пишегрю*. Ничего незначившія его слова превратилъ онъ въ заговоръ.

Пишегрю и *Жоржъ*, такими же происками уловленные, поспѣшили изъ *Лондона* въ *Парижъ*. Сперва дозволяли имъ тайно жить въ Парижѣ. Сообщники Корсиканца устроили даже

такъ, что *Пишегрю* раза два нечаянно былъ въ домѣ у *Моро*, который однако ни о чемъ съ нимъ не говорилъ. Въ оправданіи своемъ *Моро* сказалъ; „Меня обвиняютъ, для чего „не донесъ я, что *Пишегрю* въ Па„рижѣ. Я не сдѣлалъ этого потому, „что гнушаюсь именемъ доносчика, „которое революція сдѣлала еще „подлѣе."

Приготовя все, чтобы *Моро* по наружности казался заговорщикомъ, онъ приказалъ захватить *Пишегрю* и *Жоржа*; заключилъ ихъ въ тюрьму и приговорилъ къ смерти. Опасаясь явно казнить *Пишегрю*, который могъ бы напомнить Французамъ, что сдѣлалъ онъ для Франціи, *Корсикансцъ* приказалъ его удавить въ тюрмѣ, и повѣстилъ, будто бы *Пишегрю* самъ удавился. Генералъ *Жоржъ*

былъ казненъ. Сей неустрашимый любитель Короля просилъ, чтобы его прежде всѣхъ казнили, и прибавилъ: *пусть увидятъ, какъ должно умирать за своего природнаго Государя!* Моро также осудили къ смертной казни. Ропотъ войска и народа заставилъ *Бонапарта* вмѣсто казни приговорить Моро съ заключенію въ темницу. Любя страстно свою супругу, Моро рѣшился отправить къ *Бонапарту* письмо, въ которомъ убѣдительно доказывалъ, что ему и въ мысль никогда не приходили никакіе заговоры. *Бонапартъ* это лучше всѣхъ зналъ: мнимый заговоръ былъ имъ самимъ выдуманъ и устроенъ. Между тѣмъ и письмо невиннаго Моро обратилъ въ пользу свою. Желая блеснуть *театральнымъ* милосердіемъ, онъ позволилъ первому Полководцу Фран-

ціи отплыть въ Америку. Кромѣ *Пишегрю, Жоржа* и *Моро*, сообщники Корсиканца оклеветали еще многія другія жертвы, попавшіяся въ ихъ сѣти. *Бонапартъ*, продолжая играть лице мнимаго *милостивца*, нѣкоторыхъ уволилъ отъ смертной казни, говоря: *Васъ обольстили; но я возвращаю васъ семействамъ вашимъ.*

Для чего же извергъ *Корсиканецъ* выдумалъ и устроилъ весь этотъ заговоръ? Для того, чтобы съ помощію мнимаго заговора, суда, казней и прощеній отуманить, устрашить и обольстить умы Парижскихъ бродягъ, а самому между тѣмъ похитить престолъ Бурбоновъ. Повторяю здѣсь еще, что *Бонапартъ*, прилѣжно учась *Исторіи*, занялъ изъ нее только то, что учитъ злодѣйству и коварству; но онъ забылъ,

что *ни одинъ злодѣй не умиралъ спокойно*. Чѣмъ болѣе возносятся злодѣи, тѣмъ ужаснѣе ихъ паденіе. Всѣ хитрости, всѣ коварства разврата исчезаютъ; вѣра и добродѣтель остаются: въ сей истинѣ убѣждаютъ и Священныя книги и лѣтописи всѣхъ народовъ.

Умерщвленіе Пишегрю.

Коварство и подлость страшатся откровенности и великодушія. Генералъ *Пишегрю* на всѣ статьи дѣланнаго ему допроса отвѣчалъ сильно и неустрашимо. *Реаль*, наемный судья Наполеона, спросилъ Пишегрю: „вы конечно съ тѣмъ пріѣхали въ Парижъ, чтобы возстановить Бурбоновъ?“ — Вы меня спрашиваете, отвѣчалъ *Пишегрю*: а я васъ спра-

шиваю: что почтеннѣе, возложить ли корону на главу законнаго Государя, или на главу бездѣльника, котораго бы я въ войско мое не принялъ и барабанщикомъ?“ — Сей отвѣтъ перенесенъ былъ Наполеону, и извергъ въ мрачной и мстительной душѣ своей — подписалъ Пишегрю погибель и смерть!

Пишегрю караулили два Жандарма. Въ это самое время Жандармы вообще роптали на Наполеона. На мѣсто Жандармовъ къ Пишегрю приставлены были *Мамелюки*, которымъ отданъ былъ приказъ удавить его. Герой удавленъ былъ четырью Мамелюками, вскорѣ потомъ разстрѣлянныхъ, для того, чтобы они не проговорились!... Не Мамелюки, но самъ Наполеонъ открылъ свое злодѣйство. Предполагая, что Пишегрю

уже умерщвленъ, сообщники изверга повѣстили, что тѣло Генерала Пишегрю принесутъ въ судъ, гдѣ будутъ оное свидѣтельствовать врачи, и гдѣ обѣявятъ причины его смерти. Врачи и судьи собрались, а тѣла не принесли потому, что Пишегрю не былъ еще удавленъ. Такимъ образомъ обманулись злодѣи; такимъ образомъ открылось злодѣйство! . . . Пишегрю умертвили на другой день.

Англинский Капитанъ Вригтъ.

Здѣсь повѣствую о злодѣяніи неслыханномЪ! ЕстьлибЪ НаполеонЪ и дѣйствительно пріобрѣлЪ славу, то и тогда поступокЪ его противЪ Капитана *Вригта* навлекЪ бы на него вѣчный позорЪ. Чтобы сказала цѣлая Европа, естьлибЪ Англинское правительство предало смерти начальника Французскаго корабля, взятаго у береговЪ Ирландіи, и на которомЪ находился *Теобальтъ-Тонъ*? КапитанЪ *Вригтъ* былЪ во всѣхЪ отношеніяхЪ невиннѣе: онЪ высадилЪ только на берега Франціи путешественниковЪ, ввѣренныхЪ ему Англинскимъ правительствомЪ; а *Теобальдъ-Тонъ* приплылЪ сЪ войскомЪ и во ФранцузскомЪ мундирѣ.

ВсѣмЪ извѣстно, что КапитанЪ *Вригтъ* былЪ призванЪ свидѣтелемЪ

при допросѣ Моро. *Вригтъ* рѣшительно сказалъ: *ничего не отвѣчаю, потому что не знаю ничего.* Непосредственно послѣ допроса, учиненнаго Генералу Моро, злобный Наполеонъ приказалъ подвергнуть Капитана Вригта лютѣйшей пыткѣ. Ему ломали пальцы, натирали жиромъ ступни и прикладывали къ нимъ раскаленное желѣзо; наконецъ сперва отрѣзали одну руку, а потомъ ногу. Наглые палачи, совершивъ сіи злодѣйства, сказали: „теперь уже тебѣ не льзя возвратиться въ отечество; Наполеонъ сохранитъ жизнь твою и осчастливитъ тебя, объяви только всѣхъ его враговъ.“ — Великодушный Капитанъ *Вригтъ* отвѣчалъ: „я былъ бы преступникомъ передъ Богомъ и Королемъ моимъ, естьлибъ вымолвилъ хотя одно слово

при вопросахЪ палачей!" — *Вригтъ* вскорѣ былЪ удавленЪ; тѣло его вынесли ночью изЪ *Темпльской* тюрьмы, гдѣ умерщвленЪ Пишегрю, и гдѣ нѣкогда содержался ЛюдовикЪ XVI, казненный Якобинцами, сЪ которыми НаполеонЪ часЪ отЪ часу старался сближаться неистовствомЪ и злодѣяніями.

Похищеніе престола.

Переходя отЪ злодѣянія кЪ злодѣянію, отЪ вѣроломства кЪ вѣроломству, НаполеонЪ открылЪ себѣ путь кЪ престолу. Тѣ же самые Французы, которые называли его *коннымъ Роберспьеромъ*, принуждены были присягнуть чудовищу. ВолтерЪ говорилЪ: *внуки наши увидятъ чудеса*! Новое поколѣніе ФранцузовЪ, возросшее

въ безбожіи и вольнодумствѣ, видѣло и учинило чудеса разврата и неистовства: казнивъ Короля природнаго и добродѣтельнаго, оно уклонилось подъ ярмо изверга.

Желая придать наружную важность хищничеству своему, Наполеонъ рѣшился призвать Папу. Добродѣтельный старецъ долго упорствовалъ; наконецъ принужденъ былъ уступить силѣ. Чѣмъ же заплатилъ Наполеонъ злополучному Пію VII? — Заключа его въ *Фонтенеблскомъ замкѣ*, онъ далъ ему испить всю чашу скорби и поруганія. Старецъ, обремененный лѣтами, немощами, удаленный отъ отечества, отъ друзей и знакомыхъ, содержался подобно узнику, приговоренному къ смертной казни. Одинъ Богъ былъ подпорою его и свидѣтелемъ его страданій. Под-

крѣпляясь въ заключеніи своемъ силою вѣры, *Пій* доказалъ, что *сила вѣры* могущественнѣе всѣхъ силъ человѣческихъ. На всѣ Наполеоновы угрозы великодушный страдалецъ отвѣчалъ: *Не измѣню Богу и вѣрѣ!*

Конскрипція или поголовный наборъ.

Въ различныхъ областяхъ Европейскихъ кровь Французовъ лилась рѣками; сотни тысячь изчезали; города пустѣли; села и деревни сиротѣли; во многихъ мѣстахъ оставались только младенцы, старики и слабыя женщины. Бонапартъ не заботился о гибели жертвъ ненасытнаго своего властолюбія: *конскрипція* каждый день и каждый часъ доставляла ему новыя жертвы. Непрестанно перемѣнялъ онъ законы *о поголовномъ истребленіи Французовъ*. Сего-

дни назначалъ такое число урочныхъ лѣтъ, а завтра другое. Двенадцати и десяти-лѣтніе отроки, вырываемые изъ объятій матерей, восклицали: *матушка! матушка!* Сей вопль невинности сильнѣе всѣхъ словъ обвиняетъ губителя человѣчества. Не успѣвъ вкусить пріятностей домашней жизни, не насладясь любовію отцевъ и матерей, одни отроки гибли на полѣ убійства; другіе, возрастая въ крови и среди непрестанныхъ ужасовъ, ожесточались звѣрствомъ и развратомъ. Естьлибъ Небеса не обратили на главу злодѣя тотъ смертоносный громъ, которымъ онъ поражалъ Европейскіе народы, то Европа превратилась бы въ мрачную и безлюдную пустыню.

Нашествіе на Гишпанію и гибель Французовъ.

Наполеонъ повелѣвалъ флотами Гишпанцевъ; кровь Гишпанскихъ мореходцевъ лилась за него на моряхъ. Въ сухопутномъ его войскѣ находилось шесдесятъ тысячь лучшихъ Гишпанскихъ войскъ. Не удовлетворяясь симъ владычествомъ надъ Гишпаніей, онъ предпринялъ ее поработить. Употребя всѣ хитрости злобнаго своего ума, чтобы съ помощію ложныхъ и поддѣльныхъ писемъ поссорить отца съ сыномъ, и чтобы вооружить Гишпанію противъ Англичанъ, онъ вдругъ повѣстилъ, что хочетъ занять Португалію. Подъ симъ вѣроломнымъ предлогомъ вводитъ въ Гишпанію Французскія и разноплеменныя войска, захваты-

ваетъ крѣпости, обманомъ заманиваетъ Карла IV и сына его Фердинанда въ *Байону*; отправляетъ ихъ во Францію и спѣшитъ похитить престолъ Гишпанскій для брата своего *Іосифа* или истребить Гишпанію и Гишпанцевъ. Провидѣніе иначе устроило: всѣ расчеты мнимой Наполеоновой дальновидности обратились къ собственной его пагубѣ.

Вѣра спасла Гишпанію.

Шатобріанъ, въ сочиненіи своемъ о силѣ и могуществѣ Вѣры, говоритъ: „Гишпанія, отдѣленная отъ прочихъ Европейскихъ народовъ, представляетъ перу Историка особенныя и незаимственныя свойства. Непоколебимость нравовъ ея жителей будетъ для нее полезна; и когда всѣ Евро-

пейскіе народы обезсилѣютъ и истощатся развратомъ, тогда она съ блескомъ въ мірѣ возсіяетъ.'

Когда Французскія войска вошли въ Гишпанію почти такимъ же вѣроломнымъ образомъ, какъ и въ предѣлы Россіи, Гишпанцы почти во все неимѣли строевыхъ войскъ. Для Франціи истощила Гишпанія морскую свою силу, для Франціи истратила казну, для Франціи разсѣяла по чужимъ странамъ сухопутныя войска свои. И такъ, въ истощеніи сихъ трехъ государственныхъ силъ, одною силою Вѣры побѣдили Гишпанцы тѣхъ, которые въ чаду тщеславія провозгласили себя непобѣдимыми.

Ухищренные развратители народовъ предвидѣли, сколь опасна будетъ для нихъ непоколебимость Гишпанскаго народа въ Вѣрѣ. Съ

самаго начала пагубнаго своего возмущенія старались Французы сѣять въ Гишпаніи плевела нечестія и водворять духъ буйства и своеволія.

Наполеонъ, подъ предлогомъ дружества, вступя съ многочисленнымъ войскомъ въ предѣлы Гишпаніи, отправилъ изъ *Байоны* одного изъ приближенныхъ своихъ съ тѣмъ, чтобы пригласить Наслѣднаго Гишпанскаго Принца для свиданія. Извѣстно, что въ сіе время Наслѣдный Принцъ занималъ престолъ, оставленный его отцомъ. Тщетно *Министръ Севалосъ* и прочіе благонамѣренные чиновники отвращали отъ поѣздки въ *Байону* своего Государя, который потому единственно воспротивился, чтобы отказомъ своимъ не подвергнуть Государство опасности. Къ щастію, при отправленіи своемъ изъ Мадри-

та, по совѣту вѣрныхъ сыновъ отечества и по собственному своему желанію, учредилъ онъ *Юнту*, и уполномочилъ во всѣхъ дѣлахъ Государственныхъ. Наполеонъ созвалъ Гишпанскихъ повѣренныхъ въ *Байону*. Сіи повѣренные, услыша неожиданныя предложенія, отвѣчали: ,,Не получа отъ городовъ нашихъ никакихъ препорученій, мы не имѣемъ права ничего отвѣчать.“ Тщетно преклоняли ихъ обольщеніемъ и угрозами: не колеблясь духомъ, они говорили: ,,что хотя бы стоило имъ жизни, но Вѣра и Богъ воспрещаютъ имъ дѣлать противное пользамъ и благу отечества.“

При самомъ вступленіи въ Гишпанію, Французы увидѣли, что сія страна, защищаемая вѣрой и вѣр-

ностью, будетъ ихъ гробомъ. Гишпанцы, рѣшась умереть или защитить престолъ и отечество, отдавали на произволъ враговъ деревни и города. Французы не находили въ Гишпаніи ни одного проводника. Тщетно угрожалъ *Наполеонъ* въ громоносныхъ своихъ бюллетеняхъ, что онъ истребитъ Гишпанію и Гишпанцевъ, естьли они не покорятся На всѣ сіи угрозы Гишпанцы отвѣчали новыми усиліями къ оборонѣ родной страны и престола. Восклицанія: *побѣдить, или умереть за отечество и за Фердинанда VII:* сіи восклицанія гремѣли во всѣхъ предѣлахъ Гишпаніи.

Устращая Гишпанцевъ, Наполеонъ самъ въ душѣ своей содрогался. По занятіи Мадрита, онъ не отважился туда войти, услыша, что *тысяча*

сто Гишпанцевъ, скрываясь въ Мадритѣ, рѣшились или погибнуть или истребить врага царствъ и человѣчества. Занятіе Мадрита не поработило Гишпаніи. Гишпанцы говорили: *вѣра предковъ до толѣ непоколеблется, доколѣ отечество наше не изчезнетъ съ лица земли. Мадритъ въ рукахъ у враговъ, а Гишпанія существуетъ.*

И Мадритъ и Гишпанія освободились отъ ига вѣроломнаго Наполеона, силою вѣры и вѣрности.

Бѣгство изъ Россіи.

Бѣдствіе, постигшее Французовъ въ Россіи, есть безпримѣрное произшествіе во всѣхъ лѣтописяхъ міра. *Камбизово* войско, поглощенное *Ливійскими* песками; походъ *Дарія* противъ *Скиѳовъ*; разбитіе *Варусовыхъ* легіоновъ; пораженіе Карла XII ничто въ сравненіи съ пагубнымъ бѣгствомъ Наполеона изъ Россіи! Извергъ обрекъ на жертву смерти четыреста тысячь воиновъ; Французы шли по пеплу селъ и городовъ; не нѣсколько дней, но болѣе мѣсяца боролись они съ зимними бурями; каждый мигъ похищалъ новую жертву, на каждомъ шагу встрѣчали смерть и погибель. Цѣлое войско, истомленное голодомъ, бросало оружіе, и пушки; дралось между

собою за гнусную пищу; думало только о томъ, чтобъ бѣжать; видѣло — одну смерть. Такой картины недоставало сильной кисти *Тацита*, который, открывая глазамъ мрачные *Германскіе лѣса*, начерталъ разбитіе *Варусовыхъ легіоновъ*. Нѣтъ, и Тацитъ не изобразилъ бы тѣхъ ужасныхъ мгновеній, когда блѣдные воины, ощущая приближеніе хладной смерти, вырывались изъ рядовъ своихъ, хохотали въ изступленіи, испускали тяжкіе вопли и падали среди своихъ товарищей, которые безъ вниманія, безъ сожалѣнія проходили мимо, ожидая такого же жребія! . . . Всѣ души оцѣпенѣли, всѣ чувствія погасли; страданіе не имѣло ни помощниковъ, ни свидѣтелей; всѣ были жертвами гибели и смерти. Что же дѣлалъ Наполеонъ? Онъ бросалъ во-

иновъ своихъ, онъ провозглашалъ мнимыя побѣды. Наконецъ, когда онъ бѣжалъ постыдно, когда въ послѣднемъ своемъ извѣстіи невольно обнаружилъ свой позоръ и нагло требовалъ новыхъ жертвъ; тогда раздался во Франціи сей уничижительный голосъ раболѣпнаго ласкательства: „послѣдній *бюллетень* до„вершилъ удивленіе наше къ непо„бѣдимой твердости духа Напо„леона.“ —

Вспомнимъ о пожарѣ Московскомъ. Москва, одна изъ первыхъ земныхъ столицъ, объялась пламенемъ; великодушные ея жители рѣшились все претерпѣть, но не быть рабами. Утомленное Французское войско, вмѣсто обѣщаннаго спокойствія, тянется по пространнымъ горящимъ улицамъ. Среди огненныхъ морей

солдаты несутъ добычи; жители Московскіе скитаются безъ пристанища, безъ пищи и принуждены попирать ногами трупы убіенныхъ. Къ усугубленію сихъ ужасовъ, Наполеонъ изъ оконъ Кремлевскихъ спокойно смотритъ на разливавшіися пожаръ... и при опасности, угрожавшей Кремлю, удаляется... Воины Французскіе разбиваютъ въ домахъ двери, исторгаютъ жителей изъ убѣжищъ ихъ, бѣгаютъ босикомъ, полунагіе, въ странныхъ и отвратительныхъ нарядахъ; по однимъ только ружьямъ можно догадываться было, что они солдаты. Грабежъ еще неистовѣе свирѣпствовалъ отъ того, что оный производился *по правиламъ* и дозволяемъ былъ постепенно всѣмъ отдѣленіямъ войскъ. Французы грабили по приказу; они исполняли свой

долгъ. . . . Между тѣмъ Наполеонъ, возвратясь въ Кремль, забавлялся музыкой и Италіянскими пѣвцами. Тоже дѣлалъ и *Неронъ*, увеселяясь пожаромъ древняго Рима.

Отступленіе изъ подъ Лейпцига.

Отступленіе изъ подъ *Лейпцига* столь же было пагубно, сколь и бѣгство изъ Москвы. Повсюду свирѣпствовало отчаяніе, неповиновеніе, грабежъ и истребленіе. Въ *Ерфуртѣ* находилось шесть *гошпиталей*, въ которыхъ цѣлыя сутки не было ни куска хлѣба, ни стакана воды, ни одного бинта для перевязки ранъ. Даже и жители не имѣли пищи. Все бѣжало, — оставались только больные и раненые. Они съ голоду уми-

рали къ больницахъ, которыя Наполеонъ превратилъ въ *гробы человѣчества!*

Когда бѣгущій Наполеонъ прибылъ въ Ерфуртъ, ему представили о бѣдственномъ состояніи *гошпиталей.* „Я отпускаю на нихъ ежедневно по шести тысячь франковъ изъ собственнаго моего ларчика" сказалъ и пролетелъ молніей. Пріѣхалъ обозъ его, но ларчикъ не открывался.... Какъ описать страданіе нещастныхъ жертвъ, брошенныхъ извергомъ!...

Послѣ *Гейнаускаго* отступленія остатки Французскихъ войскъ начали входить во Францію. Ко встрѣчѣ ихъ ничего не было приготовлено. Тысячи *движущихся мертвецевъ* влеклись медленнымъ шагомъ и цѣлые четырнадцать дней тянулись непрестанно.

Въ *Маинцѣ* больницы, церкви, лицеи, таможни, все было наполнено ранеными и больными, которыхъ стали размѣщать и по домамъ обывательскимъ. *Рейнъ* въ продолженіи сихъ убійственныхъ дней уподоблялся баснословной адской рѣкѣ: безпрерывно къ берегамъ его причаливали смертоносныя лодки. Бѣдные и изнуренные Французы казались гробовыми тѣнями. Въ это ужасное время цѣлыя двое сутокъ улицы завалены были умирающими воинами. Смрадное зловоніе заражало воздухъ... Здѣсь упадали голодные и избитые; тамъ валялись разломанныя пороховыя ящики, пушечные станки, обозы; раздавались стоны, вопли и проклятія. Погода, сообразуясь со страждущимъ человѣчествомъ, была мрачная и ненастная. Цѣлые полки валялись въ

грязи.... Гдѣ же былъ Наполеонъ? онъ забавлялся въ Тюльерійскомъ дворцѣ и въ оперѣ!...

Чрезъ нѣсколько дней наступило новое бѣдствіе: смертная зараза начала свирѣпствовать въ гошпиталяхъ. Жители, солдаты, начальники, почти никто не избѣгъ; множество погибло; *Префектъ* и градоначальникъ заразились и умерли. И какъ было не воспослѣдовать заразѣ въ томъ городѣ, куда изъ подъ Лейпцига привезли раненыхъ, которыхъ влекли болѣе 80 миль, не перевязывая ни одного раза?... Съ 7 по 20 Ноября умирало въ *Маинцѣ* по пяти сотъ человѣкъ въ сутки. На каждомъ перекресткѣ встрѣчали мертвыя тѣла, вынесенныя жителями изъ домовъ. Никто не поднималъ; трупы лежали по нѣскольку дней.... На

одномъ загородномъ кладбищѣ кучи наваленыхъ тѣлъ превышали стѣну. Каждый день платили по 60 франковъ гробокопателямъ. Они всѣ погибли; — и тогда волны *Рейна* сдѣлались общимъ гробомъ. . . . Можно ли не содрагаться, помышляя, что всѣ сіи ужасы произошли отъ безразсудности одного человѣка! . . .

Явныя лжи и обманы Наполеона Бонапарта.

Когда союзныя войска проходили по *булевару* Парижскому, одинъ молодой, человѣкъ вмѣстѣ съ другими зрителями, удивляясь красотѣ и бодрости союзныхъ войскъ, сказалъ: „Вотъ тѣ самыя войска, которыя Наполеонъ въ *бюллетеняхъ* своихъ называлъ *остатками разбитой арміи.* Удивительнѣе

еще то, что многія отдѣленія сего прекраснаго войска находятся подъ начальствомъ *выходцевъ съ того свѣта.* Наполеоновы *бюллетени* убили Генерала *Сакена* при *ла-Ферте су-Жуаръ, Іорка* при *Шато-Тіерри,* Графа *Ланжерона* погребли при *Шалонѣ.*" — Одна женщина при сихъ словахъ, усмѣхнувшись, прибавила: „сочинителю *бюллетеневъ* тоже можно сказать, что и лжецу Корнелія:

Кого убили вы, тѣ живы и здоровы.

Особенныя черты, изображающія свойства Наполеона Бонапарта.

Наполеонъ вспылчивъ до бѣшенства. Онъ ломалъ, что ему ни попадалось въ руки; онъ выгонялъ изъ комнаты пинками и бѣгалъ какъ блажной ребенокъ. Любимое его слово было: *Я такъ хочу!* Онъ также часто повторялъ; „Главное во мнѣ достоинство непреклонная строгость. Знайте, что мнѣ все позволено.“

Хотя *Наполеонъ* и любилъ себя выказывать изъ тщеславія, но угрызенія совѣсти заставляли его окружаться стражею. Онъ непрестанно трепеталъ. Ему ежечасно мечталось, что его хотятъ убить. Вотъ доказательство. *Жозефина* и жена брата его *Іоахима*, вздумавъ ѣхать

въ маскерадъ, послала къ одной изъ извѣстнѣйшихъ Парижскихъ торговокъ за маскераднымъ платьемъ. Въ полночь торговка пришла въ *Тюльерійскій дворецъ* и въ темныхъ сѣняхъ встрѣтилась съ Наполеономъ, который, испугавшись шороха, закричалъ, чтобы подали свѣчи и позвали караульныхъ; въ ярости и отъ испуга упалъ онъ въ обморокъ. Бѣдную торговку засадили на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму.

Не имѣя вѣры, Наполеонъ крайне суевѣренъ. Онъ вѣритъ болѣе гадательницамъ, нежели Священному Писанію. Похитя престолъ, онъ часто приказывалъ загадывать въ карты одной женщинѣ, прославившейся симъ лживымъ искусствомъ.

Люди, говорилъ Наполеонъ, подобны шашкамъ: сперва разставляютъ ихъ для игры, потомъ бросаютъ. Затѣвая войну, онъ говорилъ: „я ѣду на травлю людей."

Любимое Наполеоново правило было: „все мнѣ принадлежитъ, и послѣдній человѣкъ, и послѣдняя копѣйка."

Въ одномъ изъ своихъ *бюллетеневъ* Наполеонъ писалъ: „Восемь сотъ пушекъ изрыгаютъ смерть со всѣхъ сторонъ: *зрѣлище удивительное!* — Онъ любовался, смотря, какъ на *Прейсишъ-Ейлаувскомъ* полѣ кровь переливалась по снѣгу. Къ одному начальнику крѣпости онъ писалъ: „Бомбы зажигаютъ городъ, поражаютъ стариковъ, женщинъ и младен-

цевъ; но отъ нихъ отважный человѣкъ не мигнетъ и не поморщится."— Вотъ образцы Наполеонова человѣколюбія! ...

Во Франціи, говорилъ онъ, есть еще люди, которые живутъ въ своихъ помѣстьяхъ и получаютъ доходу отъ 40 до 30 тысячь ливровъ. Я до нихъ доберусь.—Тираны невольно проговариваются отъ излишества злодѣйства.

Наполеонъ говорилъ, что частію лучшаго своего войска поработитъ Гишпанію, а Россію завоюетъ *Польскою кровью.* Кровь и жизнь человѣческая ничего для него не значили.

Въ 1797 году принявъ начальство въ Италіи, Наполеонъ при первомъ шагѣ показалъ, что онъ идетъ на

разграбленіе царствъ и на пагубу народовъ. „Воины Французскіе! сказалъ онъ: вы наги, вы босы, вы голодны; предъ вами царства, предъ вами цѣлая Европа: ступайте, берите; все ваше!“

Разстрѣливаніе и зажигательство были любимыми его средствами къ устрашенію народовъ. Въ 1797 году отдалъ онъ въ Италіи слѣдующій приказъ: „Объявляю, что всѣ деревни, неповинующіяся Французскимъ узаконеніямъ, признаются мятежными. Генералы должны *жечь* сіи селенія и *разстрѣливать* всѣхъ, у кого найдутъ оружіе.“

Вступая въ *Тироль*, Наполеонъ писалъ къ *Тирольцамъ*: „Обойдитесь съ нами гостепріимно, и мы обойдемся

съ вами по братски. . . . (1). Но есть ли поднимите противъ насъ оружіе, мы будемъ ужасны *какъ огнь небесный ; мы сожжемъ ваши домы,*"

1805 Года, желая принудить Австрію къ миру, Наполеонъ говорилъ: „Вѣна въ моихъ рукахъ; тамъ мое войско; аестьли Австрія не согласится, разорю, *выжгу* Вѣну.

Два главныя качества Наполеона неблагодарность и коварство. Онъ былъ врагомъ благодѣтелей своихъ и старался очернять тѣхъ, которые ему способствовали возвышаться.

Письмо Наполена Бонапарта изъ Египта *къ брату его Луціану Бонапарту.*

(*) То есть оберемъ васъ и сдѣлаемъ своими рабами.

„Въ Египтѣ все скоро кончится..(*). *Директорія* есть стыдъ Франціи (**); двѣ трети совѣта суть бунтовщики; большая часть Генераловъ невѣжды и не въ силахъ управлять и двумя отрядами. *Суворовъ* слишкомъ щастливъ; онъ свободно разгуливаетъ по Италіи (***).

„Или *Сіесъ* за одно съ *Рожеромъ Дюкосомъ*, или онъ съ толку сбился. Боюсь ихъ скудоумія. Одинъ истощился умомъ, другой слишкомъ легко-

(*) Это значитъ: *я убѣгу изъ Египта.*

(**) Въ *Директоріи* превозносили его до небесъ и сплетали ему непрестанные вѣнки.

(***) Суворовъ въ Италіи же сказалъ, что въ военномъ дѣлѣ *щастіе есть ослиная голова.* Наполеонъ, слишкомъ полагаясь на удачу и отвагу, безразсудно бродилъ по Европѣ, и отъ того уплылъ за моря. Суворовъ сражался въ Италіи съ двумя

мысленЪ (*). *Камбасересъ* правду сказалъ, что БарассЪ умѣетъ только *наживаться* (**). КакЪбы то ни было, но не хочу сидѣть съ Барассомъ рука объ руку. Всѣ эти обстоятельства и тайныя предпріятія *Клебера*, крайне безпокоятъ меня и останавливаютъ полетъ мой къ велико-

великими полководцами; съ *Моро* и *Магдональдомъ*. Суворовъ сперва все расчитывалъ, все обдумывалъ, а потомъ вручалъ себя Богу. Вотъ причина его побѣдъ.

(*) *Сіесъ* и *Рожеръ Дюкосъ* особенно помогали Бонапартію въ бѣгствѣ изъ Египта, и потомъ въ достиженіи *Консульства*.

(**) *Барассъ* выдалъ за Наполеона любовницу свою, выхлопаталъ ему начальство въ Италіи, откуда онъ вывезъ *шестьдесятъ* награбленныхъ милліоновъ. Наполеонъ, по примѣру всѣхъ властолюбцевъ, ласкалъ тѣхъ, которые подставляли ему лѣстницу; достигнувъ же цѣли — сбивалъ ихъ съ поля.

му дѣлу (*); но я скоро все кончу въ Египтѣ Друзья мои могутъ быть покойны: ничто не затруднитъ моего возвращенія во Францію; я перехитрилъ моихъ сопротивниковъ.

,,Возвратясь во Францію, постараюсь проложить себѣ нѣсколько дорогъ: неудастся одна, пойду другою. Кто *смѣтливѣе*, кто *дальновиднѣе*, тотъ и выиграетъ (**) . . . . Все

(*) Извѣстно, что *Клеберъ* намѣренъ былъ, по возвращеніи во Францію, обнаружить всѣ злодѣйства, учиненныя Наполеономъ въ Египтѣ. Вотъ отъ чего онъ опасался *Клебера* и подкупилъ, чтобы его убили. Впрочемъ Наполеонъ невольно признается, что *злодѣй никогда не можетъ быть спокоенъ.*

(**) Важныя произшествія доказали, что *смѣтливость* и *дальновидность* Наполеона были одно *самохвальство*. Благоразуміе и осторожность принадлежатъ добродѣтели, а не пороку.

уже устроено къ моему отъѣзду; скажи нашимъ друзьямъ, чтобъ и они не дремали."

Наблюдая всѣ шаги и тайныя предпріятія злодѣевъ, пріятно видѣть, что они никогда не могутъ быть спокойны ни умомъ, ни совѣстью, и что достигнувъ блестящей степени, тревожатся и боятся упасть. Письмо Наполеона къ *Жозефинѣ* отъ 22 Декабря 1803 года о семъ убѣдительно свидѣтельствуетъ.

,,Твое безпокойствіе, любезная супруга, весьма меня разстроиваетъ. Присутствіе твое въ Парижѣ для меня нужно; въ *Мальмезонъ* (1) къ тебѣ ѣхать не могу. Должно однако прекратить тѣ тревоги, которыми наполнено послѣднее твое письмо.

(*) Загородной домъ покойной *Жозефины*.

„Ты опасаешься, что мнѣ угрожаютъ бури; не страшусь ихъ: я давно уже приготовилъ себѣ надежную пристань. Скажу тебѣ откровенно, естьли не удастся мнѣ работать для *себя*, тогда посредствомъ моихъ распоряженій покажу, будто бы трудился для *другаго*. Ты знаешь, о комъ говорю (*). Что бы ни случилось будь покойна: я все обдумалъ, все предусмотрѣлъ; я вывернусь; пострадутъ только мои непріятели. Знай и то, что я для собственныхъ моихъ выгодъ располагаю обстоятельства — въ пользу *Короля*. Но такая неудача ни мало не согласуется съ обширными моими предпріятіями.

(*) Это относилось къ Людовику XVIII.

„Я крайне не доволенъ, что братъ мой *Луціянъ* открыто вступается за Бурбоновъ и непрестанно совѣтуетъ мнѣ быть тѣмъ во Франціи, чѣмъ въ Англіи былъ *Монкъ* (*).“

Письмо это непечатано было 1804 года во всѣхъ Англинскихъ *Журналахъ.* Наполеонъ прилагалъ всѣ старанія къ отысканію, какимъ образомъ оно учинилось гласнымъ. Три человѣка, служившіе при Бонапартѣ, были задержаны. Жизнь ихъ была въ опасности. Къ щастію за одного изъ нихъ вступился Маршалъ *Бессіеръ*; двое другихъ были освобождены. Наконецъ Г. *Дровъ*,

---

(*) Великодушный *Монкъ* споспѣшествовалъ къ возведенію на престолъ Карла II, сына Карла I, казненнаго *Кромвелемъ.* Такимъ подвигамъ умѣютъ подражать только тѣ, которые живутъ не для *личныхъ выгодъ своихъ*, но для добродѣтели и безсмертія.

главный повѣренный Маршала *Бессіера*, увѣдомилъ его о вышеупомянутомъ письмѣ слѣдующими строками:

„Къ сожалѣнію моему долженъ вамъ, сказать что письмо, причинившее столько розысканій и хлопотъ, выпущено однимъ изъ Наполеоновыхъ братьевъ, приверженнымъ къ *Бурбонамъ*. Симъ поступкомъ хотѣлъ онъ принудить *Наполеона* рѣшиться на то, чего желало все его семейство.“ 16 Іюня 1805 года.

Дровъ.

Къ показанію, до какой степени простиралось безумное его самолюбіе, предложимъ письмо его къ *Луціану*, когда происками своими достигъ онъ *Консульства*.

„Скажи теперь, государь мой братецъ! хорошо ли бы я сдѣлалъ, есть-

либъ я уступилъ тайнымъ твоимъ внушеніямъ, которыя для меня очень были явны Вѣрь, естьли при мнѣ станешь промѣнивать *гинеи*, я сочту тебя Англинскимъ повѣренныхъ и сообщникомъ Бурбоновъ Твое ходатайство за Людовика XVIII подверглобъ меня дурачеству, котораго бы никогда себѣ не простилъ Предчувствую великое мое опредѣленіе; сердце мое утопаетъ въ восторгахъ, меня ожидающихъ. Учинясь первымъ Консуломъ, я былъ бы *палачемъ моей славы* (*), естьлибъ мужественно рѣшился положить предѣлы моему честолюбію . . . Хочу соединить судьбу всѣхъ Французовъ съ моею судьбою, хочу цѣлое поколѣніе сочетать съ отважными моими предпріятія-

(*) Le bourreau de ma gloire. Такого выраженія не льзя не почесть подлинникомъ.

ми... Мнѣ извѣстно все то, что можетъ соорудить храмъ моей славы. Братъ мой *Людовикъ* совѣтуетъ мнѣ не терять изъ виду приверженцевъ Бурбоновъ; онъ боится, чтобы кто нибудь изъ нихъ не сорвалъ съ меня личины. Пусть любезной мой братецъ успокоится; онъ не знаетъ, что я ихъ провожу и обманываю, и что нѣкоторые изъ нихъ по неволѣ содѣйствуютъ къ успѣху моихъ предпріятій.

,,Обыкновенные люди не могутъ постигнуть моихъ предпріятій. Вѣрь, что къ отвращенію всѣхъ бурь взяты мною всѣ мѣры; но я убѣжденъ, что бури меня не постигнутъ.

,,Состояніе мое трудное и тягостное. Я каждый день долженъ укрѣплять зданіе, мною сооружаемое. Все кончу со славою и тогда,

любезный братъ! и ты признаешься, что не всегда должно слушаться такихъ совѣтовъ, хотя они по видимому и основательны.

„*Камбасаресъ* и его друзья будутъ меня отстаивать непоколебимо. . . Жозефина совѣтуетъ мнѣ съ кротостію. — Все пойдетъ такъ, какъ я придумалъ.“

Письмо это есть образецъ изступленнаго самолюбія.

Ослѣпленіе Наполеоново.

Небесное провидѣніе, карая Наполеона, ослѣпило хищника престола. Наглое его самовластіе огорчило и раздражило всѣ сердца. Большая часть Французовъ повиновались ему по одной привычкѣ: очарованіе имени его начинало изчезать. Первыя при-

чины его погибели заключались во всеобщемъ негодованіи.

Тщетно благоразумные совѣтники и искусные полководцы показывали ему пропасть, къ которой онъ стремится; вмѣсто награды — онъ отправилъ ихъ въ ссылку.

Небеса, предавшіе его на жертву безразсудныхъ его страстей, укрѣпили союзныхъ Государей единодушіемъ и непоколебимою рѣшительностію. — Ослѣпленный властолюбецъ палъ и низвергся. Онъ величался дальновидностію, и онъ не зрѣлъ пропасти у ногъ своихъ. Такъ гибнутъ всѣ презрители и мучители человѣчества.

КОНЕЦЪ.

